

превзошел его воинской доблестью и затмил завоеванную им в морских набегах славу. Честь имени, больше чем жажда наживы, побуждала этих царственных варваров губить друг друга; они даже не помышляли о том, что ведь и сами могут погибнуть от руки какого-нибудь смельчака. Честолюбивый король норвежцев вызвал на поединок Хорввендила, и тот принял его вызов, но с условием: побежденный лишится всех своих богатств, находящихся на кораблях, а победитель придаст его прах земле со всеми подобающими почестями, ибо уделом побежденного будет смерть. К чему долго толковать? Король – хоть он был крепок телом, отважен душой и искусен в бою – потерпел поражение и был убит датчанином. Хорввендил, в точности исполнив уговор, велел насыпать над его могилой высокий погребальный холм, соответственно его королевскому сану, как принято было по обычаям и суевериям того века, после чего забрал себе все богатства норвежской короны и предал смерти сестру покойного короля, храбрую воительницу, а потом разгромил и разграбил все северное побережье Норвегии, вплоть до Северных островов. Он вернулся из похода с несметными богатствами и новым ореолом славы и тотчас же отправил своему королю и сеньору Рорику львиную долю добычи, дабы снискать его благоволение и завоевать место среди приближенных. Рорик, весьма довольный подношением и тем, что столь славный воин охотно признает себя его вассалом, оказал ему и почет и дружбу, а сверх того и особенную милость, отдав за него свою дочь Герутту, в которую Хорввендил был влюблен. Более того, в знак особого отличия он сам отвез невесту к жениху в Ютландию, где они сыграли свадьбу по старинному обычаю. Чтобы не затягивать повествование, скажу сразу, что от этого брака и родился Гамлет, историю которого я хочу вам рассказать и которому посвящена эта повесть.

Фангон, соправитель Хорввендила, был завистлив. Досада на брата точила его сердце за добытую в воинских делах славу, а пуще того глупая ревность к королевской дружбе и милости; он опасался, как бы не лишиться своей доли власти над вверенной им обоим провинцией; а вернее сказать, ему захотелось стать нераздельным ее властителем. Но для этого надо было устранить Хорввендила. И потому он решил, как это впоследствии и осуществилось, умертвить своего брата.

Фангон совершил злодейство без особого труда, ибо никому и в голову не приходило заподозрить его в подобном умысле; все считали, что узы дружбы и кровного родства не могли породить иных чувств, кроме добрых и почтительных. Но, как я уже сказал, жажда власти перешагнет и через братскую кровь, и через дружбу, и через веления совести, ибо не считается с законами и не боится бога, если вообще тот, кто без всяких на то прав захватывает чужое достояние, имеет понятие о боге. Жажда власти – вот поистине хитрый и коварный советчик! Ведь надо было заранее подумать о том, как поступит королева, узнав об участии своего супруга, и не постарается ли она уберечь сына от верной смерти! И вот Фангон, тайно подкупив нескольких приближенных короля и заручившись их поддержкой, однажды за пиршественным столом набросился на своего брата и умертвил его столь же вероломно, сколь хитро, сумев затем обелить себя в глазах подданных и найти оправдание своему отвратительному злодейству. Ибо прежде чем поднять на короля кровавую и братоубийственную руку, он осквернил ложе своего брата, совершив насилие над супругой того, чью честь должен был бы защищать. Он совершил мерзость. Правду говорят, что один порок влечет за собой другие, и если человек предался одному позорному греху, то уже не остановится перед новыми, еще более гнусными преступлениями. Однако Фангон прибег к небывалой хитрости и обману, прикрыв свою дерзость и злобу маской добродетели: он заявил, что поступил так, якобы повинуюсь чистым и приязненным чувствам, какие питал к невестке, и покарал своего брата за злой умысел. Этим убийца привлек на свою сторону народ и нашел оправдание у дворянства. Дело в том, что королева Герутта была самой милостивой и любезной дамой во всех северных странах; ни разу в жизни она не обидела никого из своих подданных – ни простого звания, ни из придворных господ; и поэтому подлый прелюбодей и убийца оклеветал убитого короля, обвинив его в намерении лишить жизни свою жену Герутту: он выдумал, будто застал короля в тот миг, когда тот заносил над нею нож; вынужденный вступить за королеву, он нечаянно, вовсе того не желая, убил брата, пытаясь отразить удары, грозившие ни в чем не повинной государыне. Нашлись ложные свидетели, подтвердившие эту клевету, – разумеется, из числа тех же отступников, которых он подбил на соучастие в заговоре. Словом, вместо того чтобы предать его суду как братоубийцу и кровосмесителя, придворные одобрили его поступки и льстили ему в его новой счастливой доле. Лжесвидетелей объявили цветом дворянства, клеветников окружили почестями; тех же, кто, вспоминая доблесть покойного короля, хотел привлечь разбойников к ответу, никто не желал и слушать. Эта безнаказанность привела к тому, что Фангон вконец обнаглел и задумал со-